

- 4 Вердичи Д.
- 5 Аида. о.
- 6 Москва. Большой театр
- 7 Дирж. - Ферранец П.
Рис. - Габитов И.
Худ. - Баркин С.
Ваштанг. - Чернышев И.

"Аида"
Д. Вердичи

1997 г.
Москва
Большой
театр

Москва, 11 мая 1997 г.

УВЫ, "АИДА"
НЕВЕРНА

1997. - НЕВЕРНА

О том, что мы не умеем петь, играть и вообще ставить Вагнера, мы знали всегда. Но 11 мая сего года Валерий Гергиев блестяще опроверг это утверждение, поставив в Мариинском театре "Парсифала". О том, что мы не умеем петь, играть и вообще ставить Верди, мы и не подозревали. Большой театр Ювы, продемонстрировав это 25 мая своей постановкой "Аиды".

Уже во вступлении внезапная фальшь струнных резнула слух. Но вот на сцене появился Верховный жрец Рамфис (У. Мертиро-сам), и его голос зазвучал столь чисто и так по-вердиевски, что в сердце появилась радостная надежда. Но увы. Ограниченный по диапазоону, слабый Радмес (С. Кунаев), балансирующий между лирическим и драматическим тенором (нонсено для стилистики Верди), обозначил поворот в некую чуждую для Верди эстетику. А то, что вывели женские партии — Амнерис (О. Терюшова) и Аида (М. Лапина), окончательно выбило спектакль из стиля. Конфликт между Аидой и Амнерисом (И. Габитов) трактовал, как базарную бабью склоку на коммунальной кухне. Вплоть до того, что в сцене победного восхождения Радмеса, где в либретто режисера "Амнерис возлагает на Радмеса венец", египетская принцесса шуряет этот венец Аиде, мягко говоря, в морду.

Безграмотно выстроены мизансцены, вокалисты поставлены в один ряд — поближе к шпильшуму на весь зал суфлеру и, естественно, не слышат друг друга. Из-за этого ансамбли просвалились по полной программе. Директор Петер Ферранец как будто не имеет понятия о том, что такое звуковой баланс в оперном театре. Певцы вынуждены бороться с этим по-своему: когда оркестр, играющий ну прямо как на параде на Красной площади, заглушает голоса, они переходят на полупрофессиональный открытый звук, а порой и на откровенный крик.

Ставя знаменитое шествие из четвертой картины, каждый оперный театр изощряется в постановочных эффектах, как может. Некоторые даже сносят на сцену вывески. Большой тоже сделал, как мог, поставив скучнейшую балетную сцену (хореография И. Чернышова), в которой "тридцать витязей прекрасных и с ними дядька их морской" долго кружились в незатейливом танце. При этом "витязи" почему-то были в костюмах римских легионеров, видимо, позаимствованных из "Спартак", а "дядька" — страшного вида Арал из "Петрушки". Конечно, бедность — не порок. Если только это не бедность творческой фантазии. Порок — музыкальная глухота, с которой сделан спектакль. А ведь постановку в таком театре, как Большой, должен, просто обязан осуществлять музыкальный руководитель, способный слышать всю картину спектакля и воплотить ее в рамках той эстетики и того стиля, в котором она написана. И тогда "Аида" будет верна Верди. И даже, может быть, на московской сцене появится опера Вагнера.

Екатерина КРЕТОВА.